

Судный день после дуэли

Рос. газета - 1994 - 14 апреля

- с 28 - 29

Принято считать, что убийца Пушкина Жорж Дантес-Геккерен отделался легко — был выслан за границу. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Военным судом француз был приговорен к смертной казни через повешение.

Такой же приговор ждал бы и Пушкина, останься он в живых. Интереснейшие сведения о трагической дуэли и ее участниках содержится в "Военно-судном деле 1837 года", и поныне малоизвестном широкому кругу читателей.

3 ФЕВРАЛЯ (по ст. стилю) 1837 года в полночь прямо из Конюшенной церкви из гроб с телом Пушкина в сопровождении А. Тургенева, жандарма Ракеева и старого дядьки Александра Сергеевича Никиты Козлова отправился к месту последнего упокоения — в Святогорский монастырь. 15 февраля траурный corteж прибыл в Тригорское, а наутро гроб внесли в храм. После заупокойной обедни всем монастырским клиром прах Александра Сергеевича был предан земле. Могилу отметили простым деревянным крестом с надписью "ПУШКИН".

Но история дуэли поэта на этом не закончилась. По высочайшему повелению аудиторiatский департамент военного министерства начал военно-судное дело в отношении поручика кавалергардского Ее Величества полка барона Ж. Геккерена, камер-юнкера А. Пушкина и инженер-подполковника К. Данзаса. Первые двое подлежали суду "за произведенную между ими 27-го минувшего января дуэль", а последний — "за нахождение при оной секундантом".

Секундантом Дантеса-Геккерена был кузен и друг Жоржа виконт Д'Аршиак, секретарь французского посольства, который в первых числах февраля отбыл на родину. Ему,

впрочем, как иностранному подданному наказание не грозило. Высочайшее повеление, сделанное императором Николаем 29 января (в день кончины поэта!), гласило: "Судить военным судом как Геккерена и Пушкина, так равно и всех прикосновенных к сему делу, с тем, что ежели между ими окажутся лица иностранные, то не делая им допросов и не включая в сентенцию суда, представить об них особую записку..."

Роль секунданта Д'Аршиак уже сыграл в ноябре 1836 года, когда, употребив мастерство дипломата и природный такт, сумел вместе с В. Жуковским и В. Соллогубом предотвратить дуэль Пушкина с Дантесом.

Подполковник Константин Данзас в рапорте на имя презуса (председателя) военно-судной комиссии изъяснил, что утром в день поединка Пушкин не имел еще секунданта. Встретив его у Цепного моста, Пушкин попросил Данзаса быть свидетелем важного разговора, после чего лицейские друзья отправились около часу пополудни к Д'Аршиаку, где и были оговорены условия поединка. Комиссия, составленная из офицеров лейб-гвардии Конного полка полковника Бреверна, ротмистра Столыпина, штаб-ротмистра Балабина, поручиков Шигорина и Анненкова и корнетов Осоргина и

Чичерина, допросила поручика Геккерена и подполковника Данзаса.

Подводя итоги дознания, генерал-адъютант граф Апраксин отметил, что, по утверждению Геккерена, "вызов был без причины, но в ответах своих сам сознается, что некоторые из его коротких писем к жене Пушкина, писанные при доставлении к ней книг или театраль-ных билетов, могли возбудить его щекотливость как мужа, следовательно не отклоняет ничем подозрений Пушкина. По показанию же подполковника Данзаса оказывается, что Пушкин объяснял при нем графу Д'Аршиаку, что Геккерен даже после своей свадьбы (свадьба Дантеса-Геккерена и Екатерины Николаевны Гончаровой состоялась 10 января) не престававал дерзким обхождением с женою его, с которою встречался только в обществе, давать повод к усилению мнения поносительного как для чести Пушкина, так и жены его. Сверх того Пушкин имел подозрение на нидерландского посланника барона Геккерена в сочинении полученных им обидных писем без подписи и в распространении слухов, касающихся до оскорбления чести жены его".

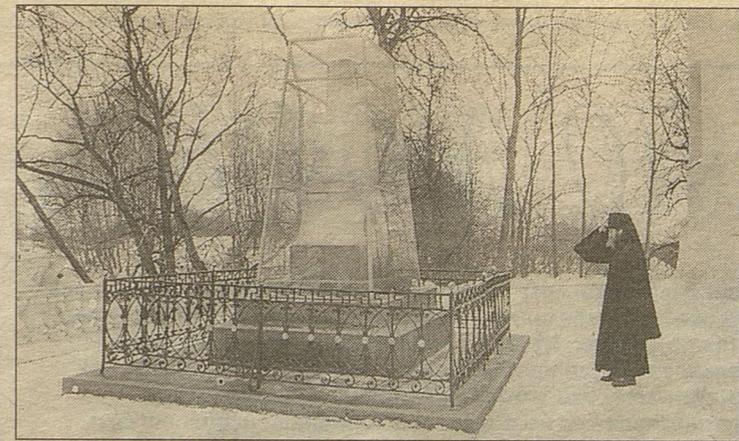
На вопрос военно-судной комиссии "за что у вас с Пушкиным произошла ссора или неудовольствие, последствием чего было на-

стоящее происшествие", Дантес-Геккерен ответил: "Дуэль учинена мною с камергером (ошибка, правильно — камер-юнкером) двора Его Императорского Величества Пушкиным 27-го числа минувшего января в 5 часов по полудни, за Выборгскою заставою, близ Новой Деревни в роще за Комендантскою Дачею, на пистолетах. Причина же побудившая меня вызвать его на оную следующая: в ноябре месяце 1836 года получил я словесный и беспричинный камергера Пушкина вызов

на дуэль, который был мною принят. Спустя же некоторое время камергер Пушкин без всякого со мною объяснения словесно просил нидерландского посланника барона Геккерена передать мне, что вызов свой он уничтожает, на что не мог согласиться потому, что приняв беспричинный вызов его на дуэль, полагал, что честь моя не позволяет мне отозваться от данного ему мною слова. Тогда камергер Пушкин по требованию моему секунданту гр. Д'Аршиаку дал письмо, в коем

объяснял, что он ошибся в поведении моем и что он находит оное благородным и неоскорбительным для его чести. Генваря 26-го нидерландский посланник барон Геккерен получил от камергера Пушкина оскорбительное письмо, касающееся до моей чести, которое он якобы не адресовал на мое имя единственно потому, что считает меня подлецом и слишком низким... Реляция учиненного нами дуэля вручена секундантом моим при отъезде его из Петербурга князю Вяземскому".

В "реляции" Д'Аршиака содержится подробное описание поединка. "Когда барьеры были назначены шинелями, когда пистолеты были взяты каждым из них, то полковник Данзас дал сигнал, подняв шляпу. Пушкин в то же время был у своего барьера, когда барон Геккерен сделал 4 шага из 5, которые ему оставались до своего места. (Поясним: Пушкин рассчитывал стрелять, когда оба противника достигнут барьеров; Дантес опередил его.) Спустя несколько раздался выстрел. Г-н Пушкин был ранен, что он сам сказал, упал на шинель, которая была вместо барьера и остался недвижим лицом к земле. Секунданты приблизились, он до половины приподнялся и сказал: "Погодите"; оружие, которое он имел в руке, был покрыто снегом, он взял другое. Я бы мог на это сделать возражение, но знак барона Ж. Геккерена меня остановил. Г-н Пушкин, опершись левою рукою об землю, прицелил твердою рукою, выстрелил. Барон Геккерен, раненый, также упал. Рана г-на Пушкина была слишком сильна, чтобы продолжать, дело было кончено. Снова упавши после выстрела, он имел

два полуборока и несколько мгновенный помешательства в мыслях. Он совершенно пришел в чувства и более их не терял. В санях, сильно потрясаем во время поездки более половины версты по самой дурной дороге, — он мучился не жалюсь..."

Докладывая государю результаты военно-судного дела, генерал-аудитор Ноинский предложил наказать виновных так: Геккерена "за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, напisać в рядовые, с определением на службу по назначению инспекторского департамента. Данзаса, "вменив ему в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом в крепости на гоубвахте два месяца и после того обратиться по прежнему на службу". 18 марта последовала собственноручная Его Величества конфирмация: "Быть по сему, но рядового Геккерена, как не русского подданного, выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты".

Французский посол барон де Барант сообщал в Париж Д'Аршиаку: "Суд над участниками дуэли 27 января закончен. Ваш друг Жорж де

Геккерен должен был пройти через несколько суровых приговоров, прежде чем получить свободу, купленную ценою изгнания. Комиссия военного суда в своей сентенции, согласно старинному воинскому артикулу, приговорила его к смертной казни через повешение. Командиры гвардейских полков, считаясь с молодостью подсудимого, предложили заменить виселицу разжалованием в рядовые с отправкой в дальние гарнизоны. Злая острота (нидерландского посланника) насчет Пушкина, которому суждено быть рогоносцем, как камер-юнкеру Его Величества, стала известна царю и вызвала естественный гнев. В настоящее время Геккерен несет заслуженную кару — он отозван в Гаагу без нового назначения и на днях покидает Петербург..."

Написанное архаичным стилем, с множеством кажущихся лишними оборотов, военно-судное дело насчитывает 234 листа, включая формулярные листы (характеристику — сказали бы мы) Геккерена и Данзаса, мнения командиров полков, резолюции департаментов. Но главное — отзвуки трагедии, произошедшей 27 января на Черной Речке.

Юрпий КРОХИН.

